

Л. М. Ившин

**ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ОЧЕРКА А. ДЕНИСОВА
«МЫНАМ ПЛЭНЙСЬ ПЕГЪЕМЕ»**

В статье рассматриваются языковые особенности биографического очерка А. Денисова «Мынам плэньсь пегъеме» («Как я бежал из плена»). В год его издания (1919) нормы удмуртской орфографии еще не были изданы, вследствие чего нет единообразия в написании частиц и союзов, компоненты сложных слов оформлены в одних случаях отдельно, в других – слитно. Большинство других «орфографических» отклонений от литературной нормы получает удовлетворительное объяснение с учетом фонетических и частично морфологических особенностей родного (периферийно-южного) диалекта автора: наличие фонемы *ʝ*, встречающейся в соседстве с палатальными согласными, палатализация дентального *n* в позиции после *u*, образование аккузатива множественного числа имен существительных и личных местоимений с помощью форманта *-ыз*, употребление существительных и послелогов в элативе с показателем *-ис'* и др. В тексте биографического очерка изобилуют лексические диалектизмы, характерные для периферийно-южных говоров удмуртского языка.

Ключевые слова: удмуртский язык, литературный язык, орфография, союз, частица, сложное слово, лексика, периферийно-южный диалект.

Относительно недавно в моих руках оказалась маленькая книжка А. Денисова «Мынам плэньсь пегъеме» [1] («Как я бежал из плена»), опубликованная в Казани в 1919 г. В ней повествуется о событиях Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Сюжет довольно прост. Главному герою – удмуртскому солдату – пришлось пережить пленение и тяжелые условия содержания военнопленных в немецких лагерях. Но все же ему удается совершить побег и вернуться на родину.

Был бы, разумеется, интересен литературный анализ рассказа, однако это особая тема для исследования, в данной же работе основное внимание будет уделено языку произведения – орфографии и особенностям фонетического, отчасти морфологического и лексического плана.

В год издания биографического очерка «Мынам плэньсь пегъеме» нормы (правила) удмуртской орфографии еще не были разработаны, отсюда – отсутствие единообразного орфографического оформления слов. Эту же особенность

удмуртского языка отмечают авторы, анализировавшие удмуртскую прессу нач. XX в. [2. С. 18]. Правила удмуртской орфографии будут созданы только в 1924 г. и впервые напечатаны в книге И. Яковлева «Удмурт кылрадъян» [3] в 1927 г. До этого времени нормирование орфографии текстов на удмуртском языке «существенно отставало от тех требований, которые обычно ставятся перед языком литературным» [4. С. 105].

Из орфографических особенностей очерка выделим прежде всего отсутствие единообразного написания союзов и частиц, а также некоторых сложных слов.

Частица *ик* ‘же’ может быть написана как раздельно или слитно, так и через дефис (причем раздельное и слитное оформление встречается чаще дефисного):

соку ик ‘сразу же’: *Соёс нош милемлы кудйз ог пала, кудйз мукет пала возматом вал: ми соку ик шөдйським мыдлань возматэмзэс* [1. С. 9] (здесь и далее орфография оригинала сохранена. – Л. М.). ‘Они же нам показывали то в одну сторону, то в другую: нам сразу становилось понятным, что указывают неверно’ (здесь и далее перевод наш. – Л. М.);

ачиз ик ‘он сам же’: *Ми нош солы өм оскысалмы али, милям одйг эшмы ачиз ик кам дуре ветлыса адзем* [1. С. 11]. ‘Мы бы не поверили ему, если бы один наш знакомый сам не побывал на берегу реки и видел’;

азьлоик ‘сначала же’: *Ми озьы каримы: гуртэ пырыса азьлоик Журт-Жерзэ учкымы, немисьлэнэзлы уша-а, уг-а шуса* [1. С. 19]. ‘Мы так и сделали: войдя в деревню, сначала посмотрели хозяйственные постройки – похожи они на немецкие или нет’;

немисьёслэсь-ик ‘у немцев же’: *Со бере куримы уксёзэс учкыны; уксёзэс но озьыик тодмамы: милям немисьёслэсь-ик адземмы вань вал* [1. С. 20]. ‘Потом мы попросили показать их деньги; денежные знаки были нам знакомы: мы видели [такие деньги] у немцев’.

Частица *но* ‘и’ встречается в тексте также в различных вариантах оформления – раздельном, слитном и «черездефисном»:

ноку-но ‘никогда’: *Таче секыт ожмаськон дунне вылын ноку-но вылымтэ* [1. С. 3]. ‘Такой тяжелой войны в мире никогда не было’;

кытсыкено ‘куда-то’: *Кылись эшйёсмы туж милемыз жаляса кылызы: тйледыз кытсыкено быттозы шуса* [1. С. 14]. ‘Остающиеся в бараке жалели нас, думая, что нас где-нибудь убьют’;

милеськым но кужмо ‘сильнее нас’: *Соку ми туж зол бизьыны кучкымы, со милеськым но кужмо bize; ми солэсь пегзиськомы, со милемыз сутыны тырше* [1. С. 15]. ‘Тогда мы побежали еще быстрее, он же бежит быстрее нас; мы убегаем от него, он пытается нас догнать’.

Отметим, что автору в большинстве случаев импонирует раздельный вариант написания этой частицы.

Союз *ке* ‘если’ может быть написан и раздельно, и слитно:

куштйськодке ‘если бросаешь’: *Дйсез педло пот[т]ыса куштйськодке, тэй ветлэмен весь копак выре кадик ачке вал* [1. С. 6]. ‘Если одежду бросаешь на улицу, кажется, что она даже шевелится от вшей’;

валке ‘если было’: *Крестьян дорын сиён ожыт жечгес валке но, отын но сое кёт тырымон өз сётэлэ* [1. С. 8]. ‘Хоть у крестьян еда и была чуть получше, [чем в лагере] и здесь ее не хватало’;

озьы ке но ‘не смотря на это, и все-таки’: **Озьы ке но** ми кӧняке мурт пегӱыны дасяськыны шетамы; уин дӱсьлы-кутлы гнэ Жормиськом вал [1. С. 11]. ‘Несмотря на это, мы, несколько человек, начали подготовку к побегу; только нуждались ночью в верхней одежде’.

Слово *ог* ‘примерно, около’ может быть написано как через дефис, так и раздельно (в большинстве случаев):

ог-кык ‘около двух’: Патрон ӧвӧлэн **ог-кык** час ыбылытэк пукимы [1. С. 3]. ‘Поскольку патронов не было, около двух часов мы не стреляли’;

ог кык-кунь ‘около двух-трех’: **Ог кык-кунь** минут орчыса коркась кузӱез потӱз [1. С. 19]. ‘Через две-три минуты из дома вышел хозяин’.

Компоненты некоторых сложных слов могут быть оформлены как раздельно, так и слитно:

туж шум потӱмы ‘мы очень обрадовались’: Отын шара вераськыны шетамы, границаез потэмез валаса, **туж шум потӱмы** [1. С. 18]. ‘Там мы начали разговаривать вслух, поняв, что перешли границу, очень обрадовались’;

туж шумпотӱз ‘он очень обрадовался’: Талэн семӱяз ми пыремись **туж шумпотӱз** [1. С. 20]. ‘Его [хозяина] семья очень обрадовалась нашему заходу [приходу]’;

собере ‘затем’: Татсы интӱям беразы, милемыз азьлоик вань лагерь котырись нюлэстэз коратӱзы, **собере** со интӱез курткуйен котыр гудӱытӱзы [1. С. 7]. ‘После того, как нас сюда привели, сначала заставили вырубить весь лес вокруг лагеря, затем – вырыть ров’;

со бере ‘потом’: **Со бере** курымь уксӱзэс учкыны; уксӱзэс но озьыик тодамь: милям немисӱслэсь-ик адземмы вань вал [1. С. 20]. ‘Потом мы попросили показать их деньги; денежные знаки были нам знакомы: мы видели [такие деньги] у немцев’.

В современном литературном языке слова *шумпотыны* ‘обрадоваться’ и *собере* ‘потом’ пишутся слитно.

Что же касается остальной части орфографии текста, можно отметить около 10 явных ошибок (описок): *чыкак* [1. С. 4] ‘совсем’ (удм. лит. *чылкак*), *сюр* [1. С. 5] ‘тысяча’ (удм. лит. *сюрс*), *улеммы* [1. С. 10] ‘наша жизнь’ (удм. лит. *улэммы*), *эшӱӱсмы* [1. С. 14] ‘наши друзья’ (удм. лит. *эшӱӱсмы*), *тыреше* [1. С. 15] ‘пытается’ (удм. лит. *тырше*), *изькем* [1. С. 18] ‘верста’ (удм. лит. *иськем*), *семьяӱссы* [1. С. 20] ‘члены семьи’ (удм. лит. *семьяӱссы*), *со-тӱ* [1. С. 22] ‘то-се’ (удм. лит. *со-та*), *лезизы* [1. С. 23] ‘они отпустили’ (удм. лит. *лэзизы*).

Большинство других «орфографических» отклонений от литературной нормы получает удовлетворительное объяснение с учетом фонетических и частично морфологических особенностей родного (периферийно-южного) диалекта автора произведения. Вот некоторые из них, получившие отражение в тексте:

1. Наличие фонемы *ӱ* (в тексте *ю*), употребительной в соседстве с палатальными согласными: *нюль* [n’ül] ‘четыре’: Тӱни озьы татын ар но **нюль** толэзь улӱмы [1. С. 8]. ‘Вот так мы здесь пробыли в течение года и четырех месяцев’.

2. Употребление гласного *и* в некоторых корнях перед палатальными согласными:

кильымы [kil'ətə] 'мы остались': *Сизьыл пал, одйг жсыт, кунь кузя ми кошкыны дасяськеммы вал ини, соку потон иньтылы жудыса кильымы* [1. С. 10]. 'Однажды осенью в один из вечеров мы втроем уже приготовились было убежать, но остались, растерявшись, не найдя переправу [через реку Эмс]';

бизы́са [biz'əsa] 'бегая': *Одйг пол нош азиськымы адыми кадик макеез адзымы: весь бизы́са киёссэ мыт-мыт пала карыса ми шоре лыктэ кадик* [1. С. 17]. 'Один раз впереди увидели существо похожее на человека: как будто бежит нам навстречу с распростертыми руками'.

3. Палатализация дентального *n* в позиции после *u*:

нокине но [nokin'e no] 'никого': *Шур дурын нокине но өм шөдэ* [1. С. 16]. 'На берегу никого не увидели';

иньтйен-иньтйен [in'tijen-in'tijen] 'местами': *Иньтйен-иньтйен көт выламы мынйськом вал* [1. С. 18]. 'Местами мы ползли на животе'.

4. Замещение *й*-согласным *л'*-:

люгыт [l'ugət] 'светлый': *Чукна куать час мында вал ини, өжыт люгыт луыны шетам вал* [1. С. 19]. 'Было уже около 6 часов утра, светало'.

5. Изменение анлаутного *й'* в *д'* или *ж'* (в тексте *Ж*):

Жывор [d'əvor] 'сообщение': *Часовой доре Жывор карыны лыктэм* [1. С. 13]. 'Пришел сообщить часовому';

Жуо [d'uo ~ žuo] '(они) пьют': *Чай иньтые отын кофе Жуо* [1. С. 20]. 'Вместо чая там пьют кофе'.

6. Упрощение корневого сочетания *-рСС-* в *-рС-*:

Журтйськыса [jurtis'kəsa] 'помогая': *Мукет зигёсын но кусамы туж жеч, огмылы огмы Журтйськыса улймы* [1. С. 10]. 'И с другими друзьями [пленными] жили хорошо, помогая друг другу';

орчыса [orčəsa] 'пройдя': *Ог кык-кунь минут орчыса коркась кузёез потйз* [1. С. 19]. 'Через две-три минуты из дома вышел хозяин'.

7. Замещение инлаутного элемента *-т-* элативного окончания имен существительных *-ыс'ты-* и форманта аблатива некоторых личных местоимений *-л'эс'ты-* в притяжательном склонении согласным *-к-*:

азиськымы [az'is'kətə] 'мы перед собой': *Одйг пол нош азиськымы адыми кадик макеез адзымы: весь бизы́са киёссэ мыт-мыт пала карыса ми шоре лыктэ кадик* [1. С. 17]. 'Один раз впереди увидели существо, похожее на человека: как будто бежит нам навстречу с распростертыми руками';

милеськым [mil'es'kət] 'у нас': *Со милеськым Жуаз: «кинй тй?» шуса* [1. С. 19]. 'Он спросил нас: «Кто вы будете?»'.

8. Элатив существительных и послелогов имеет показатель *-ис'*:

баракись [barakis'] 'из барака': *Декабрь толэзьлэн 25-тй ныналаз милемыз суй баракись пу бараке пыртйзы; отын өжыт шунытгес луиз* [1. С. 6]. '25 декабря нас из земляных бараков перевели в деревянные, там было немного теплее';

отйсь [otis'] 'оттуда': *Отйсь вагонэ пуксьыса кошким Ротердам нимо городэ* [1. С. 21]. 'Оттуда сели в вагон [на поезд] и добрались до города Роттердам';

плёнйсь [pl'enis'] 'из плена': *Тйни озый ми куать кузя плёнйсь пегзыса бертймы* [1. С. 23]. 'Вот так мы, вшестером, вернулись домой из [немецкого] плена'.

9. Характерное употребление усилительно-личных местоимений:

ачмес [ačmes] ‘мы сами’: *Кудійз нош озьы пегзисьёс уноез каме арам луса бырылйзы; ми ачмес одйг пол милям улон гуртамы кам дурись кулэм адямиез ваемзэс адзімы* [1. С. 10]. ‘Многие, убежавшие таким образом, тонули в [большой] реке; мы сами видели один раз, как утопшего несли в нашу деревню’.

10. Множественное число существительных и некоторых местоимений на гласную основу образуется при помощи консонантного алломорфа *-йос*:

соёс [sojos] ‘они’: *Утыр соёс пушкаен ыбылыны шетазы милемыз* [1. С. 4]. ‘Вскоре они [немцы] начали обстреливать нас из пушек’;

кузёёсмы [kuz'ojostmā] ‘наши хозяева’: *Ныназе крестьян дорын ужаськом вал, жьыт нош кузёёсмы бараке ог иньтые нуозы вал* [1. С. 8]. ‘Днем мы работали у крестьян, вечером же хозяева приводили нас в одно место – барак’.

11. Аккузатив множественного числа существительных и личных местоимений образуется с помощью форманта *-ыз*:

вагонъёсыз [vagonjosəz] ‘вагоны’: *Пуксем берамы вагонъёсыз ворсазы но иньтйе вуытозь оз усьялэ уни* [1. С. 5]. ‘После того, как мы сели, вагоны закрывали и не открывали [до тех пор], пока не приезжали до места’;

милемыз [mil'eməz] ‘нас’: *Собере татйсь милемыз мукет лагере нуизы, нимыз та лагерлэн Херберглушлаг вал* [1. С. 7]. ‘Потом нас отсюда отправили в другой лагерь, его название – Херберглушлаг’.

12. Деепричастия с временным значением образованы при помощи суффикса *-кы*:

пегзыкымы [pegz'əkətmā] ‘когда мы бежим’: *Татсы ми мырдэм вуимы, сокем милям пегзыкымы пыдъёсмы сёриськылэм* [1. С. 21]. ‘Мы еле-еле добрались до сюда – до такой степени, оказывается, были изранены наши ноги’;

мыныкы [mənəkə] ‘в то время, когда идешь’: *Соин ми Голландия-ись англичан доре мыныкы, милемыз кык миноносец келяса мынйиз* [1. С. 22]. ‘Поэтому, когда мы плыли из Голландии к англичанам [в Англию], нас сопровождало два миноносца’.

В тексте биографического очерка в изобилии встречаются лексические диалектизмы, характерные для периферийно-южных говоров:

дышмонлэн [dəšmonlən] ‘у врага’: *Ваньмызлы пычал-тйрлык уг тырмы вал: соин трос салдатъёс дышмонлэн кияз суроно луизы* [1. С. 3]. ‘На всех оружия не хватало, поэтому многие солдаты попадали в [плен] руки врага’;

ворсазы [vorsazə] ‘они закрыли’: *Пуксем берамы вагонъёсыз ворсазы но иньтйе вуытозь оз усьялэ уни* [1. С. 5]. ‘После того, как мы сели, вагоны закрывали и не открывали [до тех пор], пока не приезжали до места’;

начар [načar] ‘плохой’: *Сиён отын туж начар (алама) вал: нуаллы жыны гирвенка нянь но жьыт шыд сёто* [1. С. 6]. ‘Еда была очень плохая: на день давали полфунта хлеба и немного супа’;

заман [zaman] ‘быстро, скоро, спешно’: *Мукетэн но улонмы шуг вал: пичи гнэ Лангыш ке луд заман курадзтыны кучко вал* [1. С. 6]. ‘Жизнь наша была трудная, за малейшие провинности сразу начинали мучить’;

музон [mizon] ‘другой, иной’: *Милям эшгёсмы (зучёс) соёслы нош трос Журтійсько вал: соёслэсь дйсьзэс-кутзэс миськыса сёто вал, Јаке музон марке ужаса сёто вал; соёс нош со понна дорысьтызы сиён басьтэм беразы, милемлы но маркезэс сёто вал* [1. С. 7]. ‘Наши друзья, русские, им [другим пленным] помогали: стирали их одежду или еще другое что-нибудь делали. Они [англичане, бельгийцы, французы] же за это, получив из дома продуктовые посылки, чем-нибудь делились и с нами’;

сюри [s'uri] ‘я попал’: *Мон но одйг гуртэ ужаны сюри* [1. С. 7–8]. ‘Я тоже попал работать в одну деревню’;

кам [kat] ‘большая река’: *Та кам пичи өвёл, вуэз мур, паракодъёс ветло* [1. С. 9]. ‘Эта река не маленькая, глубокая, [по ней даже] пароходы плавают’;

алама [alama] ‘плохой’: *Улонэд озьы алама луэм бере ми эшеным пегзён сярись чакласькыны шетамы* [1. С. 10]. ‘Поскольку жизнь ухудшалась, мы с товарищем начали подумывать о побеге’;

мискыляны [miskəl'anə] ‘кататься’: *Ог кык арня орчем бере январь толзэьлэн шор вадесазгес немисьёс Эмс кам кынмем шуса вераськыны шетазы; соёс отсы мискыляны ветло вал* [1. С. 11]. ‘Когда прошло около двух недель, примерно в середине января, [немцы] начали поговаривать, что река Эмс замерзла; они туда ходили кататься’;

тышак [təšak] ‘перина, матрац’: *Сое тышак пушке тыримы* [1. С. 11]. ‘Ее [одежду] ложили [прятали] в матрац’;

усьто [us'to] ‘дыра’: *Озьы адыми тэрымон усьто каримы* [1. С. 14]. ‘Таким образом сделали дыру, через которую мог пролезть человек’.

Подводя итоги исследования, еще раз отметим, что язык биографического очерка А. Денисова «Мынам плэнийсь пегэме», изданного в 1919 г., весьма далек от удмуртского литературного языка, на что указывает 1) отсутствие единообразной орфографии и 2) отражение фонетических, морфологических, а также лексических диалектизмов автора произведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Денисов А. Мынам плэнийсь пегэме. Казань, 1919. 21 с.

2. Егоров А. В. Фразеология в информационном поле газетного текста (на примере удмуртских газет времен Первой мировой войны) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2014. № 4. С. 17–23; Удмуртский край в годы Первой мировой войны / УИИЯЛ УрО РАН; общ. ред. А. Е. Загребина и Н. В. Тойкиной. Ижевск, 2014. 256 с.

3. Яковлев И. В. Удмурт кылрадъян: Элементарная грамматика вотского языка. Ижевск: Удкнига, 1927. 87 с.

4. Кельмаков В. К. О языке первопечатного Евангелия от Матфея на «сарапупском наречии» удмуртского языка // Очерки истории удмуртского литературного языка: Учебное пособие / Удм. гос. ун-т. Факультет удм. филологии. Кафедра общего и финно-угорского языкознания. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2008. С. 49–105.

Поступила в редакцию 11.03.2015

L. M. Ivshin

**Language Features of A. Denisov's Essay 'Mynam Plenys' Pegdzeme'
(‘How I Escaped from Captivity’)**

The article deals with language features of A. Denisov's biographical essay 'Mynam plenys' pegdzeme' ('How I escaped from captivity'). In the year of its publication (1919) the standards of the Udmurt spelling had not yet been published, therefore there is no uniformity in the writing of the particles and unions, the components of compound words in some cases are written separately, in other – in one word. Most of the other "spelling" deviations from the literary norms receive a satisfactory explanation with regard to the phonetic and partly morphological features of native (southern) dialect of the author: the presence of the phoneme *ÿ*, occurring in the vicinity of the palatal consonants, palatalization of dental *n* in the position after *i*, formation of accusative plural nouns and personal pronouns using formant *-yz*, use of nouns and postpositions in Elative with an indicator *-is'* and others. The text is rich in lexical dialecticisms typical of the southern dialects of the Udmurt language.

Keywords: the Udmurt language, literary language, spelling, union, particle, compound word, vocabulary, southern dialect.

Ившин Леонид Михайлович,

кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: leonid-ivshin@rambler.ru

Ivshin Leonid Mihaylovich,

Candidate of Sciences (Philology), Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: leonid-ivshin@rambler.ru